Рита Райз

ПЫШКА ДЛЯ ХМУРОГО

Свадьбу не предлагать!

Рита Райз

Пышка для Хмурого. Свадьбу не предлагать!

«Автор»
2026

Райз Р.

Пышка для Хмурого. Свадьбу не предлагать! / Р. Райз — «Автор», 2026

Я фотографирую свадьбы, а Глеб Хмуров помогает супругам разводиться. Его младшая сестра нанимает меня на свой праздник, и знакомство с ее братом начинается с перепалки. Он уверен, что знает о любви всё. Я уверена, что ему полезно иногда помолчать.Вот только стоит ему положить ладонь мне на талию, и я сама забываю, что собиралась сказать. Этот мрачный красавец явно неравнодушен к моим пышным формам. А за его привычкой командовать обнаруживается нежность, которой я совсем не жду.Но у Хмурова есть условие — снова жениться он не собирается.Свадьбу я ему не предлагаю. Но быть «ничем серьезным» в жизни мужчины, с которым хочу просыпаться, тоже не согласна.Кажется, Хмурому предстоит самое сложное дело в его практике.

© Райз Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 9
Глава 3. 13
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Рита Райз
Пышка для Хмурого.
Свадьбу не предлагать!

Глава 1.

— Михаил, вы сейчас невесту обнимаете или проверяете, надежно ли она закреплена?

Лиза прыскает, и на какую-то секунду у меня появляются нормальные жених с невестой. Потом Михаил испуганно отпускает ее талию, она поправляет волосы, и оба снова смотрят в объектив с выражением людей, которым предстоит долго и дорого лечить зубы.

До свадьбы больше месяца. Очень хорошо, что мы встретились заранее.

— Давайте пока пройдем к беседке, — предлагаю я. — Миша, расскажите Лизе, что вы ели на завтрак.

— Зачем?

— Хочу понять, стоит ли ей выходить за вас замуж.

— Сосиску, — немедленно признается он.

— С салатом, — уточняет Лиза, защищая свое будущее.

— Сосиску с другой сосиской. Не хочу начинать семью с обмана.

Она толкает его плечом, он наконец перестает следить за моим пальцем на кнопке, а я отхожу немного в сторону. За их спинами желтеет старая парковая стена. От нагретой кладки тянет теплом, и легкое платье Лизы становится почти прозрачным по краям, когда она поворачивается к солнцу. Вот это уже можно снимать.

Мне нравятся такие минуты. Люди приходят получить красивую версию себя и страшно боятся ей не соответствовать. А потом жених сознается в преступлении против правильного питания, и выясняется, что им вполне хватает друг друга настоящих.

— Лиз, ты это забыла.

Низкий мужской голос возникает за моим плечом одновременно с тенью. Я не успеваю опустить камеру, а в кадр уже входит рука с бежевой сумкой.

— Глеб! Спасибо! Там моя кофта.

Невеста бросается к спасителю, и мне приходится сделать шаг назад, чтобы не получить сумкой по объективу. Мужчина держит ее за ручки двумя пальцами. Сама сумка выглядит небольшой, хотя я точно помню, что в ней помещаются кофта, бутылка воды и целая косметическая экспедиция.

Он очень высокий. Темный пиджак лежит на широких плечах так, как вещи обычно лежат только на витринных манекенах и мужчинах, которые не смотрят на ценник. Лицо собранное, красивое и недовольное. Последнее, кажется, не связано с парковкой.

— Вы еще долго? — спрашивает он.

— Добрый вечер, — отвечаю я.

Взгляд с серыми глазами задерживается на мне.

— Добрый. Еще долго?

— Минут сорок. У нас прогулка на полтора часа.

— За полтора часа можно дойти до другого конца города.

— Если не останавливаться фотографировать влюбленных, определенно успеем.

Михаил кашляет в ладонь. Лиза обнимает брата одной рукой и представляет нас, явно стараясь успеть до начала военных действий.

Глеб Хмуров. Старший брат, участник семейной подготовки и, судя по тому, как он оглядывает беседку, человек, которому хочется спросить, кто утвердил это сооружение.

— Алена Белова, — говорю я. — Фотограф.

— Я понял.

— Камера выдает. Обычно я прячу ее в сумку, чтобы знакомиться без предубеждений.

Он смотрит на мою улыбку дольше, чем требует вежливость, и я вдруг остро ощущаю, как ремень пересекает грудь. На мне зеленое платье с запахом, которое хорошо сидит и позволяет весь день двигаться. Еще десять минут назад я помнила о нем только потому, что на ветру нужно придерживать подол.

Теперь хочется поправить вырез. Не потому, что с ним что-то не так.

— Глеб, мы закончим и поедем сами, — объясняет Лиза. — Правда. Спасибо, что привез.

Он кивает, но остается у дорожки. Скрещенные на груди руки не обещают быстрого ухода.

Я предлагаю молодоженам сесть на широкую деревянную скамью. Михаил устраивается первым, Лиза пристраивается рядом и немедленно вытягивает спину так, будто сейчас прозвучит гимн.

— Можно прислониться к Мише, — говорю я. — Он свой.

— Так?

— А теперь попробуйте забыть, что я здесь.

— По команде, — замечает Глеб. — Очень естественно.

Лиза отодвигается от жениха.

Я опускаю камеру.

С мужчинами, которые лучше фотографа знают, как фотографировать, я знакома. Обычно это чей-нибудь дядя с дорогим телефоном. Иногда дядя без телефона, но с огромным жизненным опытом. Этот вариант заметно красивее, однако результат у него тот же.

— Глеб, подойдите, пожалуйста.

Он отталкивается от перил и встает рядом со мной.

— Видите, что получается? Лиза смотрит на вас, чтобы проверить, правильно ли она улыбается. А Миша смотрит на Лизу, чтобы понять, чем помочь.

— Я ничего не проверяю.

— Тогда у вас выдающееся лицо для проверки. Можете сейчас сказать сестре что-нибудь хорошее?

Он переводит взгляд на Лизу. Она ждет с таким интересом, что мне хочется поднять камеру заранее.

— Ты хорошо выглядишь, — произносит Глеб.

— Спасибо. Можно это письменно? Мама не поверит.

У него дрогает уголок рта.

— И тебе очень идет Миша, — подсказываю я.

— За Мишу я пока не уверен.

— А я уверен, — говорит Михаил и притягивает Лизу обратно. — Сидите, пожалуйста, девушка. Меня согласовали.

На этот раз смеются оба, и я успеваю поймать, как она запрокидывает голову ему на плечо. Глеб делает шаг вперед, заслоняя мне солнце.

— Мужчина, вы мешаете кадру.

Он останавливается.

— Это уже официальное предупреждение?

— Пока ласковое.

Глеб отходит, и следующую четверть часа у меня есть почти образцовый помощник. Он молчит. Правда, смотрит так, что затылок чувствует его внимание даже через волосы.

Я приседаю у ступенек, придерживая платье на коленях. Мягкая ткань натягивается на бедрах, когда я подаюсь вперед за нужным ракурсом, и краем зрения замечаю, как его взгляд движется вместе со мной. Когда я выпрямляюсь, Глеб уже смотрит на сестру. Слишком невозмутимо для человека, который только что был занят исключительно сестрой.

Ладно. Я тоже успеваю заметить его руки. Мы квиты.

У беседки налетает ветер, и Лиза обхватывает себя за плечи. В сумке действительно есть кофта, но она оказывается тоньше, чем всем помнится.

— Я же говорила, надо было взять синюю, — расстраивается она. — А в этой рукава мятые. И на свадьбу вдруг похолодает, и я опять ничего не предусмотрю.

Глеб снимает пиджак прежде, чем она заканчивает.

— На свадьбу возьмем синюю. Сейчас эту надень.

— Она же на мне до колен.

— Зато рукава не мятые. Было дорого, пришлось следить.

Лиза тихо смеется. Он помогает ей попасть рукой в рукав и наклоняет голову, выслушивая что-то уже совсем негромкое. Лицо у него меняется. В складке между бровями остается привычная строгость, но взгляд становится таким теплым, что я поднимаю камеру, не успев решить, нужен ли нам отдельный портрет брата.

Щелчок он замечает.

— Я в заказ не входил.

— Побочный эффект присутствия.

— И сколько стоит побочный эффект?

Я подхожу к нему и разворачиваю экран.

На фотографии Лиза видна только краем лица. Главный здесь он — чуть наклонившийся, внимательный, с пиджаком в руках. Человек, которому сказали что-то важное и который слышит.

Глеб долго не отвечает. Солнце бликует на экране, и он невольно склоняется ко мне ближе. От рубашки пахнет прохладным парфюмом и нагретой тканью. Я держу камеру обеими руками, хотя внезапно хочется проверить, правда ли у него такой жесткий подбородок.

— Удалить? — спрашиваю тише.

— Нет.

Больше он не спорит.

К концу прогулки Лиза уже сама предлагает пройти мимо беседки еще раз, потому что Миша «очень смешно пытается не наступить на тень». Я снимаю и этот проход. Потом мы договариваемся о первой небольшой подборке и о встрече на свадебной площадке.

— Сколько отпечатков… — начинает Глеб.

— Я написала Алене, — спокойно перебивает сестра. — Мы с Мишей выберем, когда посмотрим. Тебе тоже покажу.

Он закрывает рот. Я не удерживаюсь от улыбки, но теперь улыбаюсь ему, а не по поводу него.

Возле парковки Михаил помогает Лизе устроить в машине пиджак, который она не торопится отдавать. Я убираю камеру, и Глеб задерживается рядом.

— Белова? — уточняет он.

— Она самая.

— Портфолио так и искать?

— Ссылку Лиза вам пришлет. Там можно заранее узнать, насколько опасен фотограф.

Он смотрит мне в глаза, и прежняя насмешка становится совсем другой.

— Думаю, уже поздно.

Домой я возвращаюсь с усталыми ногами и хорошим материалом. Пока копируются фотографии, приходит сообщение от Лизы. Она благодарит за прогулку и просит обязательно прислать брата.

«Фотографию брата», — торопливо добавляет следующим сообщением.

Очень своевременное уточнение.

Я нахожу тот самый кадр. Проверяю резкость на глазах, свет на лице, край чужого плеча. С этим всё в порядке. Можно идти дальше.

Но я почему-то увеличиваю фотографию еще немного.

Глава 2.

В моей работе есть приятная несправедливость. Молодожены получают двадцать фотографий, на которых они счастливы и красивы, а я перед этим вижу двести способов, которыми человек может моргнуть.

Михаил делает это сосредоточенно, словно помогает. Зато на следующем кадре Лиза прижимается лбом к его щеке, и весь отбор стоит потраченного утра.

Я добавляю снимок в первую подборку. Полную прогулку отдам позже, сейчас им нужны фотографии для приглашений и несколько отпечатков для дома. Возле монитора остывает чай. На соседнем стуле сидит Тоня, заехавшая забрать оставленный на прошлой съемке чемодан с косметикой.

— А этот чей? — спрашивает она.

Я слишком быстро перелистываю фотографию Глеба.

— Брат.

— Хорошо. Уточню. Чей брат?

— Невесты. Хмуров.

— Подходящая фамилия.

— Ты еще с ним не говорила.

Тоня наклоняет голову, рассматривая меня вместо экрана.

— А ты, значит, говорила.

Я возвращаю фотографию. На ней он как раз не хмурится. Вспоминается, как внимательно он слушал сестру, хотя я провела с ним меньше часа.

— Хороший портрет, — признает Тоня уже серьезно. — Отдашь?

— Лиза попросила. Он согласен.

В телефоне как раз вспыхивает ее сообщение. Оказывается, брат хочет забрать отпечаток сам. Лиза спрашивает, удобно ли сегодня после четырех, и добавляет улыбающееся лицо, по которому ничего нельзя понять. Кроме того, что она очень довольна.

— Удобно, — произношу вслух.

Тоня забирает чемодан с таким видом, словно закончила здесь все важные дела.

До четырех у меня есть время забрать заказ из соседней фотолаборатории, проверить свет для вечерней съемки и пообедать. Последнее я успешно откладываю до половины четвертого. Когда в дверь стучат, во рту у меня большой кусок яблока.

— Открыто, — получается довольно убедительно.

Глеб входит без пиджака, в темно-синей рубашке с подвернутыми рукавами. Человек, которому идет чужое имущество в виде женских сумок, совершенно несправедливо хорошо выглядит и без него.

— Не помешал?

Я проглатываю яблоко.

— Вы пока не в кадре, всё хорошо.

Он оглядывает студию. Здесь одна большая комната с высоким окном, небольшой угол для переодевания и стол, за которым я встречаюсь с клиентами. На стене висят несколько фотографий. Мой собственный портрет среди них — в белой рубашке, босиком, с поджатыми на стуле ногами. Рубашка расстегнута у шеи, волосы падают на плечо, и я смеюсь куда-то мимо камеры.

Глеб останавливается перед ним.

Я знаю этот снимок до складки на рукаве. Знаю, как мягко выглядит моя щека, как ткань лежит на груди и округлом бедре. Он нравится мне именно таким. Но сейчас хочется посмотреть на него глазами мужчины, который молчит уже несколько секунд.

— Кто снимал?

— Руслан. Коллега. Мы менялись местами после рабочего дня, и он велел мне перестать командовать.

— Получилось?

— На одну восьмидесятую секунды. Редкий документ.

Глеб оборачивается ко мне.

— Вы и сейчас так смеетесь. Когда забываете, что надо ответить мне что-нибудь ехидное.

— У нас слишком короткая история знакомства для такой статистики.

— Я наблюдательный.

Мне хочется снова рассмеяться. Очень неудобное желание после его слов.

Я протягиваю конверт, и наши пальцы на секунду встречаются. У него теплая сухая ладонь. Он не торопится смотреть внутрь, сначала глядит на меня — прямо, спокойно, с интересом, который уже трудно принять за изучение исполнителя семейного заказа.

— За портрет сколько?

— Он в подборке прогулки. Печать Лиза уже оплатила вместе с остальными.

— Понятно.

— Вы можете просто получить то, что вам подарили.

— Сложный навык.

Он достает фотографию и невольно выпрямляется, будто рядом появился человек, которого он уважает. Потом чуть хмурится, сравнивая себя со своим изображением.

— Лиза сказала, ей нравится.

— А вам?

— Не привык так выглядеть.

— Вы так выглядели позавчера. При свидетелях.

Я предлагаю ему сесть, пока убираю со стола открытый рабочий каталог. Глеб замечает альбом, оставленный для клиентов, и проводит пальцем по тканевому корешку.

— Сколько такой делают?

— После согласования страниц — несколько недель. Зависит от загрузки производства.

— Долго для вещи, которую потом убирают подальше.

Сказано без прежней провокации, почти задумчиво. От этого мне интереснее ответить.

— У вас такой лежит подальше?

Он переводит взгляд на меня.

— У меня его нет.

— Тогда вы от чужого имени переживаете.

— Я часто вижу, чем заканчиваются истории, которые красиво начинаются.

— А я иногда снимаю годовщины людей, которые пятнадцать лет назад тоже ужасно боялись объектива.

Глеб усмехается.

— Вы хорошо продаете свою работу.

— Сейчас я ее не продаю. В этом альбоме есть бабушка невесты. Она приехала к внучке впервые за пять лет и весь вечер танцевала с внуками. Даже если у пары когда-нибудь не сложится, бабушка-то не станет от этого хуже танцевать.

Он открывает книгу на середине. Я показываю нужный разворот. Маленькая женщина в лиловом костюме держит за руки двух высоких парней и совершенно очевидно руководит процессом.

— С таким командиром не поспоришь, — замечает Глеб.

— И не надо. Лучше успеть снять.

У него звонит телефон. Он смотрит на экран, коротко извиняется и отходит к двери. Я слышу только его сторону разговора. Оказывается, сегодня он сможет перезвонить после

шести; документы уже получены; обсуждать это в сообщениях не стоит. Ни имени, ни подробностей.

— Работа? — спрашиваю, когда он возвращается.

— Да. Я адвокат.

— Кажется, догадываюсь, по каким вопросам.

— Семейные споры. В основном разводы.

Я смотрю на свадебный альбом между нами.

— Удивительно, что мы вообще можем сидеть за одним столом. Вы же должны портить мне репутацию будущего.

— А вы создаете мне архивные материалы.

— Нет уж. Клиентов друг другу не передаем.

На этот раз он смеется по-настоящему. У глаз появляются тонкие складки, и я невольно улыбаюсь в ответ.

Я узнаю, что ему сорок, и сообщаю свои тридцать два в ответ на вопрос, сколько лет мне потребовалось, чтобы научиться распоряжаться незнакомыми людьми. Его собственная выучка, оказывается, началась с младшей сестры. Он рассказывает, как десятилетняя Лиза создала домашнюю комиссию по выбору щенка, хотя взрослые еще не согласились на собаку. В комиссии было два человека — Лиза и щенок.

— Решение единогласное? — уточняю я.

— Мать сдалась на третий день. Меня никто и не спрашивал.

Я представляю этого мужчину в двадцать три года, с маленькой сестрой и незапланированной собакой, и мне становится любопытно гораздо больше, чем следовало бы.

Настенные часы тихо щелкают. Через двадцать минут придет женщина на деловой портрет, а мне еще нужно закончить подготовку.

— Я вас задерживаю, — говорит Глеб, проследив за моим взглядом.

— Скоро будет клиентка.

— После нее поедем выпьем кофе?

Вопрос звучит так просто, что я не сразу нахожу ответ. Здесь можно было спрятаться за свадьбу или обсуждение альбома, но он не предлагает мне укрытия.

— После нее я буду отбирать фотографии. Мы договорились о срочной небольшой подборке.

— Тогда в другой день. Когда у вас свободный вечер?

Я называю пятницу. Глеб сверяется со своим расписанием, и мне неожиданно приятно, что у этого разговора есть продолжение, хотя сегодняшнего кофе не будет.

— Уточним, когда увидимся на площадке, — решает он. — Если вы раньше не откажетесь.

— Для этого вам придется очень постараться.

— Лучше потрачу силы на другое.

Он уходит с конвертом, который вполне мог забрать Михаил или курьер. Я остаюсь у двери на несколько секунд, разглядывая собственную студию так, будто здесь что-то переставили.

Вечером, когда клиентка уже получает первые фотографии, приходит сообщение с незнакомого номера.

«Алена, это Глеб. Спасибо за портрет. Непривычно, но мне нравится».

Следом появляется еще одно.

«Вы всегда ходите босиком, когда вам хорошо?»

Я смотрю на фотографию в белой рубашке. Потом на свои кроссовки, которые очень хочется снять после длинного дня.

«Зависит от пола. В смысле покрытия».

Ответ приходит почти сразу.
«Важное уточнение. Учту».
Я смеюсь вслух, хотя в студии уже никого нет.

Глава 3.

Список семейных фотографий начинается разумно. Молодожены с родителями, молодожены с бабушками, молодожены с братьями и сестрами. Потом родители разделяются, бабушки объединяются с тетями, а в конце возникают люди, которых, по словам Михаила, он ни разу не видел.

— Двоюродная сестра моей мамы, — объясняет Лиза. — Она помнит тебя маленьким.

— Это объясняет, почему я ее не помню. Я тогда был занят ростом.

Мы сидим на веранде загородного ресторана. Внизу, у небольшого пруда, рабочие красят перила, а администратор площадки обещает, что к свадьбе все высохнет. Я больше беспокоюсь о расписании, которое Ольга Михайловна прислала дочери вместе со списком.

— Сколько здесь сочетаний? — спрашивает Глеб, наклоняясь ко мне.

— Тридцать четыре.

— Мама могла просто попросить сфотографировать каждого с каждым. Получилось бы короче.

— Написать — точно.

Он смотрит на часы. Я уже знаю, что в городе у него встреча через полтора часа, но сегодня эта информация почему-то меня не раздражает. Он приехал помочь сестре разобраться с частью расходов и честно предупредил, когда должен уехать.

— Сделаем один общий кадр, — предлагает Глеб. — На нем все будут.

— А если я хочу с мамой отдельно? — спрашивает Лиза.

— Сделаем второй.

— А с Мишиной мамой?

— Третий. Алена, остановите нас, пока мы не вернулись к тридцати четырем.

Мне нравится, что он обращается ко мне за помощью, и это опасное удовольствие. Я придвигаю листок к молодоженам.

— Давайте сначала выберете вы. На семейную съемку оставим двадцать минут после церемонии. Общий кадр снимаем первым, пока никто не разошелся. Потом самые важные небольшие группы. Остальных я смогу поснимать в течение вечера, когда будет удобно.

Лиза берет ручку. Михаил наклоняется к ней, и за несколько минут список уменьшается настолько, что на празднике снова появляется время жениться.

В этот момент звонит Ольга Михайловна.

— Только не говори, что мы всё вычеркнули, — шепчет Михаил.

— Мам, мы сейчас выбираем фотографии, — отвечает Лиза. — Да, с тобой обязательно. Нет, рядом с цветами тоже можно…

Я встаю посмотреть, где здесь лучше снимать церемонию. Солнце проходит через редкую листву и пятнами ложится на настил. Если поставить пару чуть левее, лица окажутся в ровной тени. Администратор показывает запасной зал на случай дождя, и я прошу оставить проход у окон свободным от декоративных стоек.

Глеб идет рядом.

— А если дождь будет всего десять минут?

— Подождем, если молодожены захотят. Или снимем внутри. Решим по погоде.

— Нельзя предусмотреть окончательно?

— Можно заказать правильный дождь, но у него отвратительная служба поддержки.

Он смотрит на меня с тем выражением, которое я начинаю ждать заранее. Сначала будто возражение готовит, потом позволяет себе улыбнуться.

— Вы всё превращаете в шутку?

— Нет. Только то, от чего иначе хочется кричать на облака.

Я замечаю, как его взгляд задерживается на моих губах, и забываю, что хотела спросить у администратора про электрические розетки. Приходится взглянуть в записи.

Лиза находит меня у окна запасного зала. Глеб остается с Михаилом обсуждать подъезд к площадке, и она выдыхает так глубоко, что я не спрашиваю, как прошел разговор с матерью.

— Я уже не знаю, что сама хочу, — признается она. — Сначала хотела просто красивый день. Теперь мне кажется, что я кого-нибудь обижу, даже если правильно разрежу торт.

— Торт можно поручить ресторану.

Она смеется, но глаза усталые.

— А если серьезно?

— Что в этом дне вы с Мишей больше всего ждете?

Лиза прислоняется плечом к раме. За окном ее жених что-то объясняет Глебу, двигая ладонью над планом парковки. На его лице знакомое упрямое спокойствие.

— Танцевать с ним. И чтобы мама увидела, как мы… — Она ищет слово и смущается. — Ну, что у нас хорошо. Не чтобы всё правильно. А хорошо.

— Тогда оставьте время на танцы. И на себя. Фотографий у вас будет достаточно.

Она задумчиво кивает и возвращается к столу уже с другим выражением лица.

Спор о приезде гостей застает нас на середине. Глеб предлагает молодоженам встречать каждого у входа, чтобы никто не растерялся. Михаил возражает — в это время они собираются вдвоем немного погулять перед церемонией.

— Будет администратор, — говорит он. — Номера телефонов гостям пришлем. Мы не можем провести весь день у двери.

— Кто-то приедет раньше.

— И выпьет воды. Глеб, мы благодарны за помощь. Но свадьбу всё-таки решим сами. Мы с Лизой.

Глеб поворачивается к сестре. Она не прячется за женихом.

— Я хочу погулять с Мишей. Именно тогда, пока еще никто не зовет нас в разные стороны.

Пауза длится секунды три. Мне очень интересно, чем она закончится.

— Ладно, — говорит Глеб. — Тогда я приеду раньше. Маму встречу сам.

Лиза улыбается ему с такой благодарностью, что у меня появляется желание сфотографировать и этот момент. Камера лежит в сумке. Я оставляю ее там.

Когда встреча заканчивается, мне нужно унести к машине образцы альбомов. Я привезла их для выбора обложки, и теперь сумка оттягивает плечо.

— Возьмете вот эту? — прошу Глеба.

Он забирает тяжелую коробку и кивает на камеру.

— И эту могу.

— Эту я сама. У нас с ней давние отношения.

— Ревновать пока рано?

Я смотрю на него поверх ремня.

— Для начала попробуйте не критиковать ее работу.

На узкой лестнице с веранды приходится пропустить официанта с тележкой. Я отступаю к перилам, а Глеб останавливается передо мной, прикрывая коробку от угла тележки. Между нами так мало места, что я вижу светлые волоски у него на запястье и маленький шрам возле костяшки пальца.

Он опускает взгляд, и мне сразу становится жарко в открытом вырезе платья.

— Вам неудобно? — спрашивает.

— Пока нет.

Ответ выходит откровеннее, чем я собиралась. Он слышит, потому что не отводит глаз даже после того, как тележка проезжает.

Снизу нас зовет Михаил. Глеб отступает, освобождая дорогу, и я спускаюсь, удивительно внимательно выбирая ступеньки.

У моей машины он ставит коробку в багажник и закрывает крышку только после моего кивка.

— В пятницу в семь? — спрашивает. — Ужин. Ресторан в центре, потом можно пройтись.

— Свадебные расходы в меню входят?

— Нет. Как и семейные групповые фотографии.

— Тогда да.

Он достает телефон, чтобы записать адрес, и я диктую свой. У меня еще есть возможность предложить встретиться прямо у ресторана, но мне хочется, чтобы он приехал за мной. Хочется выйти из подъезда и увидеть, как этот собранный мужчина ждет именно меня.

По дороге в студию я звоню Тоне.

— Пойду в пятницу поужинаю, — сообщаю между прочим.

— Наконец-то. Я всегда верила, что ты начнешь питаться регулярно.

— С Глебом.

— Вот теперь информация приобретает смысл.

Я рассказываю про ресторан, про смешной список, про то, как он всё-таки уступил сестре. На светофоре ловлю себя на том, что уже объясняю Тоне, как у него меняется голос, когда он перестает спорить.

— Ален, — мягко перебивает она, — а ты заметила, что о еде мы ничего не знаем?

Я смотрю на зеленый сигнал и улыбаюсь.

— Надеюсь, что-нибудь дадут.

Глава 4

— Серьги оставь, — говорит Тоня. — Помаду тоже. Мужчину, если окажется нормальным, можешь потом оставить.

— Спасибо за подробную инструкцию.

Я поворачиваюсь перед зеркалом, проверяя, как лежит платье. Темно-вишневая ткань мягко обнимает грудь и свободнее расходится от талии. Мне нравится линия выреза, нравятся открытые руки и собственная шея, когда я поднимаю волосы. Хочется, чтобы Глебу тоже понравилось. От этой простой мысли в животе делается неспокойно.

Тоня сидит на краю моей кровати. Она привезла серьги, которые я забыла у нее после дня рождения, и осталась на чай. Теперь чай остывает на кухне, а подруга помогает выбрать между двумя парами босоножек.

— Эти, — решаю я сама, вставая в тех, что удобнее. — Мы, возможно, пойдем гулять.

— Значит, ты заранее допускаешь, что он не испортит ужин.

Телефон подает голос. Глеб пишет, что подъехал.

Я читаю сообщение два раза, хотя в нем всего три слова, и Тоня великодушно делает вид, что занята застежкой своего браслета.

Он стоит у машины. Не разговаривает по телефону, не смотрит на часы. Когда я выхожу из подъезда, его лицо меняется так заметно, что последние несколько шагов я прохожу с удовольствием женщины, которая правильно выбрала платье.

— Добрый вечер, — говорю.

— Очень.

Он касается моей руки, помогая пройти между машиной и неровным краем бордюра. В помощи нет необходимости, но отказываться мне совершенно не хочется.

— Красивое платье, — произносит Глеб. — Хотя я сейчас не совсем о платье.

— Впервые не спрашиваете, сколько стоило.

— Стараюсь исправить первое впечатление.

— Не переусердствуйте. Оно было интересным.

В машине пахнет кожей и тем же парфюмом, который я запомнила в парке. Глеб спрашивает, не слишком ли прохладно, и, пока я пристегиваюсь, смотрит на меня с такой открытой мужской внимательностью, что я чувствую себя почти смелой. Настолько, чтобы не притворяться, будто ничего не замечаю.

Ресторан оказывается небольшим. Никаких торжественных лестниц, за которыми нужно следить, как бы не потерять достоинство вместе с босоножкой. Наш стол стоит у окна, на подоконнике разросся розмарин. Я касаюсь ветки и подношу пальцы к носу.

— Останется место на руке для ужина? — спрашивает Глеб.

— Это проверка декораций. Люблю, когда они настоящие.

Он запоминает выбор чая, но, к счастью, не пытается заказать за меня. Я беру рыбу с овощами и прошу принести хлеб. Глеб смотрит, как я делю еще теплую булочку, и я предлагаю ему половину.

— Мирный договор?

— Обычный хлеб. Не усложняйте.

Он принимает половину, и дальше разговаривать становится легче.

Я узнаю, что по утрам он ходит плавать, если удается встать раньше телефона, и терпеть не может отдых, расписанный по минутам. Это особенно забавно от человека, который хотел предусмотреть дождь.

— Когда я плачу за поездку, мне хочется хотя бы там не следить за чужим графиком, — объясняет он.

— А мне хочется оставить камеру дома. Представляете, смотреть на закат и не выяснять, откуда его лучше снять.

— Получается?

— Иногда. Потом я начинаю мысленно переставлять людей, которые загораживают вид. Но стараюсь молчать.

Он спрашивает, где я хочу побывать, и действительно слушает ответ. Не предлагает сразу дорогой курорт. Я рассказываю про маленькие города, в которых можно купить билет в музей из-за дождя и неожиданно остаться до закрытия. Про любовь к танцам, на которые редко удается выбраться летом, когда все женятся именно в мои выходные.

— А дома? — спрашивает он. — Что делает фотограф, когда никто не требует красоты?

— Смотрит старые комедии. Может в середине фильма уйти за чаем, потому что знает, что скажут без нее.

Оказывается, Глеб тоже пересматривает «Иронию судьбы», причем не только зимой. И тоже сердится на Женю.

— За чужой холодильник, — объясняю я. — Пришел, всё перепутал, еще и ест.

— Меня больше беспокоит, что человек так долго не может признать очевидное.

— То есть холодильник вы прощаете?

— При определенных обстоятельствах.

— Опасная позиция. У меня дома сыр.

Глеб поднимает глаза от чашки.

— Буду знать.

Мы оба понимаем, как прозвучало мое сообщение о сыре. Я выдерживаю его взгляд, а потом всё-таки смеюсь, потому что сидеть с серьезным лицом слишком трудно.

Об официанте я вспоминаю, только когда он подходит убрать тарелки.

— Ты давно не замужем? — спрашивает Глеб чуть позже.

Переход на «ты» случается естественно. Я замечаю его с опозданием и почему-то радуюсь сильнее, чем комплименту.

— Не была. Последние отношения закончились два года назад. Сейчас свободна. А ты?

— Развелся пять лет назад. Сейчас тоже свободен.

Он говорит без усмешки, и мне не хочется защищаться шуткой.

— Тяжело было?

Глеб некоторое время смотрит в чашку.

— Скорее долго. Мы успели привыкнуть, что все важное обсуждается потом. Я хорошо умел устранять бытовые неудобства и думал, что этого достаточно. Выяснилось, что жена хотела иногда просто разговаривать со мной.

— А ты?

— А я приходил уставший и предлагал решить вопрос в выходные. В выходные находился следующий вопрос.

Он не обвиняет бывшую жену и не представляет себя человеком, который слишком много дал неблагодарному миру. От этого его ответ нравится мне больше, хотя сама история грустная.

— Я спросил не для того, чтобы устроить вечер воспоминаний, — добавляет Глеб.

— Хорошо. Иначе придется вернуть меню. На длинное прошлое нужен десерт.

Десерт мы всё-таки заказываем. Один на двоих, потому что обоим любопытно, а есть целый уже не хочется. Глеб уступает мне последнюю ягоду без обсуждений. Удивительно, сколько удовольствия может доставить взрослый мужчина, который умеет смотреть, пока женщина ест клубнику.

На улице тепло. Глеб предлагает доехать до набережной, где удобнее гулять. Я показываю на переулок за рестораном.

— Хочу туда. Там старый двор с каштаном. Я давно мимо него не проходила.

— До набережной всего десять минут.

— А до каштана три. И я уже выбрала.

Он смотрит на меня, потом на переулок.

— Привычка предлагать готовое решение, — признает. — Пойдем к твоему дереву.

Каштан оказывается обнесен низким забором, зато во дворе открылась крошечная кофейня. На ступеньках сидят люди с бумажными стаканами, у стены спит собака. Мы ничего не покупаем, просто обходим двор, обсуждая, какой могла быть жизнь в доме с окнами почти вровень с тротуаром.

Глеб идет рядом и иногда касается моей спины, пропуская вперед. От каждого такого прикосновения мне хочется остановиться. Вместо этого я рассказываю про съемку в коммунальной квартире, где хозяйка запретила передвигать фикус, потому что он «человек немолодой».

Глеб смеется, запрокинув голову. Я впервые вижу его таким и понимаю, что очень хочу еще.

У моего подъезда вечер становится тише. Он провожает меня до двери, и между нами возникает пауза, которую трудно заполнить обычным «спасибо за ужин».

Я вижу, как он смотрит на мой рот. Чувствую собственное желание поднять лицо, приблизиться и наконец проверить то, о чем думаю уже несколько часов.

Но мне хочется унести домой и это предвкушение.

Я кладу ладонь ему на предплечье.

— Мне было хорошо.

Он накрывает мои пальцы своими.

— Мне тоже. В понедельник свободна?

— После шести. И я знаю, куда хочу пойти.

— Даже не сомневаюсь.

Его большой палец мягко проходит по моей руке, прежде чем отпустить. От этого короткого движения у меня перехватывает дыхание сильнее, чем от целого вечера комплиментов.

Дома я снимаю босоножки и останавливаюсь перед зеркалом. Помада почти исчезла, прядь выбилась из прически, глаза блестят.

Тоня присылает вопросительный знак.

«Я хочу еще», — отвечаю ей.

И впервые за долгое время не добавляю ничего, что сделало бы эту простую радость менее заметной.

Глава 5

На входе в летний сад Глеб останавливается и прислушивается.

— Ты сказала, здесь можно спокойно погулять.

Из-за деревьев доносится музыка. На площадке у павильона мужчина в соломенной шляпе объявляет следующий танец с бодростью человека, которому платят за чужие затруднения.

— Можно, — подтверждаю я. — По краям.

Глеб поворачивается ко мне.

— Ты знала.

— Я выбрала маршрут. Это подразумевает некоторую осведомленность.

Мне ужасно нравится его лицо в этот момент. Он не сердится, скорее пытается решить, на какой стадии нашей прогулки потерял управление. Я беру его под руку и веду мимо киоска с мороженым к широкой деревянной площадке.

Здесь танцуют люди, которым не нужно завтра ничего доказывать. Пожилая пара движется почти без усилий. Девушка в кедах учит парня попадать в ритм, и он смеется раньше, чем у него что-то получается. Две женщины моего возраста обходятся без партнеров и явно довольны этим решением.

Я останавливаюсь возле них, чувствуя, как музыка отзывается в коленях.

— Пойдешь?

— Я пока посмотрю.

— Хорошо. Можешь подержать сумочку? Очень ответственная роль.

Глеб принимает ее с преувеличенной серьезностью.

— С сумками у меня уже есть опыт.

Я оставляю его у перил и выхожу на настил. Синее платье с широкой юбкой легко движется вместе с бедрами; для этого я его сегодня и надела.

Рядом смеется девушка в кедах. У нас одновременно не получается один поворот, и мы обмениваемся понимающими взглядами. Я не пытаюсь исправить ошибку. Просто ловлю следующий такт.

Музыка дает телу занятие, на которое не нужно разрешения головы. Я дышу глубже, чувствуя воздух на шее и то, как ремешки босоножек держат ступни. Юбка касается коленей. Мне легко, и когда я оборачиваюсь к Глебу, желание поделиться этим сильнее желания выглядеть красиво.

Он стоит совершенно неподвижно. Только взгляд движется за мной.

Я улыбаюсь ему и продолжаю танцевать.

К концу мелодии он уже рядом. Мою сумочку держит через плечо, и ее маленькая застежка на его груди кажется настолько неуместной, что я не выдерживаю.

— Тебе идет.

— Если сейчас засмеешься еще сильнее, я оставлю ее себе.

— Тогда нам придется встречаться. Там ключи.

Он протягивает руку.

— Кажется, это можно устроить.

Следующая мелодия медленнее. Я кладу ладонь ему на плечо, и Глеб притягивает меня достаточно близко, чтобы разговор утратил необходимость повышать голос. Он не слишком уверен в шагах, но у него хорошее чувство ритма и твердая рука на моей спине.

— Я не знаю, куда вести, — признается он мне на ухо.

— Пока просто сюда. Я за тобой пойду.

— Редкий случай.

— Не испорти.

Он смеется, и я чувствую это смехом в собственной ладони. Мы двигаемся медленно, иногда задевая чей-нибудь локоть. Глеб каждый раз успевает повернуть меня чуть раньше, чем я замечаю препятствие. Не руководит всем пространством, просто держит рядом.

Его ладонь лежит у меня на талии. Я знаю, какая она мягкая под платьем, и сейчас мне нравится чувствовать уверенность его пальцев. Он смотрит на мое лицо, потом чуть ниже, где поднимается от дыхания вырез, и возвращается к глазам, не делая вида, что занят музыкой.

У меня заканчиваются подготовленные шутки.

Когда мелодия стихает, мы не сразу отходим друг от друга. Глеб все еще держит мою руку, а человек в соломенной шляпе уже объявляет что-то следующее.

— Еще? — спрашиваю я.

— Дай сначала привыкнуть к последствиям первого.

Мы уходим на боковую дорожку, где тише. Сумочку он возвращает неохотно, будто она дает ему полезное занятие. Я надеваю ее через плечо, и он придерживает ремешок, чтобы тот не зацепился за серьгу.

Этот небольшой жест действует на меня совершенно несоразмерно.

Возле старой оранжереи мы садимся на скамью. Я снимаю одну босоножку, вытряхиваю попавший камешек и замечаю, как Глеб смотрит на босую ступню.

— Пол проверен, — сообщаю. — Можно.

— Я помню.

Он покупает нам воду в автомате возле павильона. Пока его нет, я отвечаю клиентке, спрашивающей о свободном августовском воскресенье. Палец уже тянется написать, что время есть, хотя я обещала себе оставить хотя бы один день без съемки.

Глеб возвращается и протягивает открытую бутылку.

— Работа?

— Да. Думаю, соглашаться ли на заказ.

— Хочешь?

— Хочу деньги. И выходной. Пока они не договорились.

Он садится рядом, касаясь бедром моего бедра.

— У меня лежит оплаченная путевка на три дня. Подарок друзей. Уже дважды переносил.

— Куда?

— В загородный отель. Там лес, бассейн, всё то, что я теоретически люблю.

— А практически?

— Практически в понедельник кто-нибудь обязательно звонит с важным вопросом.

— И ты едешь решать?

Он смотрит на бутылку в своей руке.

— Иногда достаточно ответить по телефону. Но я заранее решаю, что лучше никуда не уезжать.

Я убираю свой телефон в сумку, не отправив согласия клиентке.

— Кажется, нам обоим нужен человек, который отнимет календарь.

— Ты не выглядишь готовой его отдать.

— Тебе пока нельзя. Ты впишешь туда семейную съемку в одном экземпляре.

Мы смеемся, но разговор остается со мной. Глеб, который умеет убедить всех вокруг, сам не может договориться с тремя свободными днями. Я, которая рассказывает клиентам о важности живых мгновений, сижу на свидании и пытаюсь продать свое следующее воскресенье.

Музыка у павильона меняется. Глеб протягивает руку по спинке скамьи за моими плечами. Его пальцы не касаются меня, однако расстояние до них чувствуется так отчетливо, будто он уже обнимает.

— Ты правда хотел забрать фотографию лично? — спрашиваю я.

— Нет.

— Даже без попытки защититься?

— Фотографию я хотел получить. Лично хотел увидеть тебя.

Я поворачиваюсь к нему. В этом ответе нет игры, и мое улыбчивое настроение становится чем-то более теплым и уязвимым.

— Почему тогда не сказал?

— Мне казалось, ты уже готова выставить меня из любого помещения, где находишься с камерой.

— После парка основания были.

— Я посмотрел твое портфолио. Потом еще раз. Там есть страница о тебе.

— Скучная страница. Образование, опыт, кофе между съемками.

— Там твоя фотография.

Он говорит это так, что мне не нужно уточнять, чего именно не хватило в резюме.

— И ты решил добыть отпечаток.

— Решил проверить, правда ли ты всегда так смотришь, когда собираешься со мной спорить.

— И как?

Его рука ложится мне на плечо.

— Сейчас совсем иначе.

Вечернее солнце светит ему сбоку, и глаза кажутся светлее. Я замечаю крошечную складку у рта, ту самую, которая появляется перед улыбкой. Глеб медленно приближается, оставляя мне время отвернуться или заговорить. Вместо этого я кладу руку ему на шею и сама сокращаю расстояние.

Первое прикосновение оказывается мягче, чем я представляю. Всего секунда, в которую я успеваю почувствовать тепло его губ и собственное желание удержать. Поэтому второй поцелуй начинаю уже я.

Глеб отвечает сразу. Его ладонь скользит со спинки скамьи к моей талии, и я оказываюсь ближе, чем позволяет удобство сиденья. Мне все равно. Пахнет его кожей, теплым воздухом и липами где-то за дорожкой. Я слышу, как он выдыхает мое имя, и от этого простого звука по спине проходит дрожь.

Мы отстраняемся только потому, что мимо громко проезжает ребенок на самокате.

— Мама, они тут тоже! — сообщает он кому-то позади.

Я утыкаюсь лбом Глебу в плечо и смеюсь. Его рука остается у меня на спине.

— Нас посчитали, — произношу я, когда снова могу говорить.

— Надеюсь, без семейного списка.

Он целует меня в висок. Совершенно спокойно, как будто уже имеет привычку так делать. Мне хочется привыкнуть в ответ.

До машины мы идем медленнее, чем нужно. У ворот Глеб берет меня за руку и, взглянув на наши пальцы, чуть улыбается.

— Алена, я хочу с тобой встречаться.

— Я заметила.

— Всё равно хочу сказать.

Я сжимаю его ладонь.

— А я хочу с тобой встречаться. Даже когда ты не держишь мою сумку.

У подъезда мы опять целуемся. На этот раз мне приходится самой напомнить, что завтра рано вставать. Глеб не делает попытки договориться с завтрашним днем. Просто гладит большим пальцем мою щеку и спрашивает, когда мы увидимся.

Я приглашаю его в четверг к себе на ужин.

Дома телефон заполняется рабочими сообщениями, но я сразу замечаю его имя и улыбаюсь прежде, чем открываю.

«Я все-таки забыл спросить, какой у тебя сыр».

Я сажусь на край кровати, чувствуя, что губы еще помнят поцелуй, и отвечаю: «Придется прийти и выяснить».

Глава 6

Мой ужин начинает требовать внимания ровно в тот момент, когда Глеб целует меня в прихожей.

Таймер пищит за стеной. Я понимаю, что нужно идти на кухню, но его ладонь лежит у меня на спине, а губы совершенно убедительно предлагают еще несколько секунд.

— Картошка, — наконец сообщаю я ему в воротник.

— Серьезная соперница.

— Она у меня первая.

Глеб отпускает меня, и я успеваю к духовке прежде, чем ужин превращается в воспоминание. Он появляется на пороге кухни с букетом, который я в прихожей принимаю и немедленно забываю пристроить.

— Ваза где?

— В шкафу над холодильником. Только не маленькая, у нее трещина.

— Зачем тогда хранишь?

— Это очень важный вопрос для первого визита. Можно позже, когда выяснишь, зачем мне еще шесть одиноких крышек?

Он достает большую стеклянную вазу и наполняет водой. Я смотрю на него у своей раковины и вдруг чувствую странную нежность. Чужой мужчина занимает здесь много места, но ничего не кажется неправильным. Даже его закатанные рукава рядом с моим полотенцем в синие полосы.

Ужин простой. Запеченная курица с картошкой, салат и тот самый сыр, о котором мы переписываемся уже третий день. Глеб приносит клубнику, и я подозреваю, что выбор связан не с витаминной ценностью.

Он рассматривает магнит на холодильнике, привезенный из поездки, где я так и не увидела обещанный путеводителем водопад.

— Зато дождь был, — объясняю я. — Три дня. Водопад можно было наблюдать у своего окна.

— Надо было приехать в другой сезон.

— Надо было. Но тогда я бы не познакомилась с хозяйкой гостиницы, которая научила меня делать эти лепешки.

— Какие?

— Пока никакие. Я умею их делать теоретически. Как ты отдыхать в загородном отеле.

Он смеется и усаживается за стол. У меня четыре разных стула, потому что один комплект мне никогда особенно не нравился. Глеб выбирает тот, который чуть покачивается.

— Тут подложить надо, — замечает он.

— Если тебе неудобно, поменяем.

— Нет. Просто говорю.

Я ставлю перед ним тарелку, и он ловит мою руку, чтобы поцеловать пальцы. От этого короткого приветствия домашний ужин перестает быть только ужином.

За едой мы обсуждаем мой утренний заказ. Завтра я снимаю в пекарне, которую хозяйка открывает после нескольких лет работы на чужой кухне. Начало в семь, потому что потом придут покупатели, а ей хочется фотографий еще до первого рабочего дня.

— Значит, ты сегодня рано ляжешь, — говорит Глеб.

— Собираюсь. Мои планы уже сталкиваются с сопротивлением.

— С картошкой я справлюсь.

Мне нравится это обещание больше, чем следует, и я перевожу разговор на Лизу, приславшую новый вариант свадебного приглашения. Теперь на нем наша фотография у беседки,

и брату явно приятно на нее смотреть, хотя он замечает, что размер шрифта могли бы выбрать и крупнее.

— Она счастливая, — говорю я.

— Да. Я вижу.

Он возвращает телефон, но некоторое время молчит. За открытым окном соседский ребенок спорит с отцом, можно ли еще пять минут играть во дворе. Мне кажется, Глеб сейчас тоже выбирает между уходом в другую тему и разговором, который уже возник.

— Алена, я хочу, чтобы ты кое-что знала.

Я отставляю чашку.

— Слушаю.

— Я снова жениться не собираюсь.

Он произносит это ровно. Без попытки пошутить, без оговорки на будущее. Я некоторое время смотрю на него и слышу, как за окном ребенок все-таки добивается своих пяти минут.

— Хорошо, — отвечаю. — А я уже думала, куда спрятать кольцо. В картошку или в сыр.

Глеб не улыбается.

— Я серьезно.

— Я понимаю. Просто предупреждение звучит так, словно ты заметил под столом регистратора.

Он опускает взгляд на мои руки, лежащие рядом с чашкой.

— Не хочу, чтобы мы потом обнаружили разные ожидания.

— Тогда давай о них поговорим. Что ты хочешь сейчас?

На этот вопрос он отвечает почти сразу.

— Быть здесь. С тобой. Видеться, когда мы оба можем. Узнавать тебя.

— До свадьбы Лизы?

— При чем тут Лиза?

Я пожимаю плечом.

— Мы познакомились благодаря ее заказу. Хочу убедиться, что у нас не тот же срок сдачи.

— Нет, Алена. Я не планирую закончить наши встречи вместе со свадьбой сестры.

Теперь он берет меня за руку. Я не отнимаю ее, хотя мне важно закончить разговор до того, как мы начнем отвечать прикосновениями.

— Мне не нужно обещание на всю жизнь после трех свиданий, — говорю я. — Но мне не нравится история, в которой один человек встречается с другим, а второй потом удивляется, откуда у первого вообще взялись отношения.

Глеб чуть сжимает мои пальцы.

— Ты для меня не случайный вечер.

Я слышу это и чувствую, как напряжение в плечах отпускает. Мне хочется поверить ему, и сейчас для этого не нужно придумывать оправдания. Он сам приходит, сам звонит, смотрит на меня через стол так, что я забываю о своем завтрашнем будильнике.

— Если что-то изменится, скажешь? — спрашиваю. — Даже если неудобно.

— Скажу. И ты тоже.

— Да.

Некоторое время мы просто сидим, держась за руки. Потом Глеб подносит мои пальцы к губам, и я понимаю, что разговор не испортил вечер. Возможно, он как раз дает мне возможность остаться в нем без лишних догадок.

— Свадьбу не предлагать, — задумчиво повторяю я. — А чай можно еще?

— Чай я могу сделать сам.

— Начинаешь осторожно отвоевывать права.

Он встает и приносит чайник. Я наблюдаю, как он ищет знакомую чашку на слишком пестрой полке. У нас разные представления об удобстве, и меня пока это радует.

Позже, когда тарелки уже убраны, мы сидим на диване. У Глеба на колене лежит книга, которую он берет с подлокотника, чтобы не сесть на нее. Это старый сборник путевых заметок; я перечитываю отдельные главы, когда не могу выбраться из города.

— Ты правда думаешь, что все заканчивается одинаково? — спрашиваю я.

Он понимает без уточнений.

— Нет. Иначе Лизу пришлось бы запереть дома.

— Плохой план. Она созовет комиссию.

— Включит в нее Михаила и признает меня недееспособным.

Мы улыбаемся, но я не отвожу взгляда. Глеб закрывает книгу, оставив палец между страницами.

— Я понимаю, что к нам не приходят люди, которым хорошо вместе, — говорит он. — Но когда каждый день слышишь, как они сначала были уверены, постепенно перестаешь доверять самой уверенности.

— А своей уверенности, что больше не женишься, доверяешь?

Он смотрит на меня с невольной усмешкой.

— Неприятный вопрос.

— Зато бесплатно.

— Этому решению доверяю. Пока мне с ним спокойно.

Я киваю. Мне не нужно сегодня разубеждать сорокалетнего мужчину в правиле, которое он придумал задолго до меня. Я хочу понять, можно ли с ним быть рядом так, чтобы не приходилось делаться незаметной. Он отвечает на это достаточно ясно.

Глеб откладывает книгу и касается выбившейся пряди у моей щеки.

— Ты сейчас очень серьезная.

— Умею. Просто редко показываю клиентам.

— Я уже не клиент.

— Ты им и не был.

— Еще лучше.

Он целует меня, и диван внезапно оказывается слишком коротким для двух людей, которым хочется устроиться ближе. Я обнимаю его за шею, чувствуя под ладонью короткие волосы. Глеб подтягивает меня к себе, и я забываю, что вообще собиралась беречь прическу.

В какой-то момент его лоб оказывается у моего лба. Мы дышим неровно, а я все еще держу пальцами ворот его рубашки.

— У тебя в семь съемка, — напоминает он тихо.

— Знаю. Мне уже не нравится эта женщина с пекарней.

Он смеется и целует меня еще раз, коротко.

— Не надо. Она ни в чем не виновата.

Я откидываюсь на спинку дивана, пытаясь собрать хотя бы ту часть здравого смысла, которая отвечает за рабочее расписание.

— В субботу, — говорю я. — Вечером. И в воскресенье утром я никуда не обязана.

Глеб смотрит на меня, и от его взгляда по коже снова идет тепло.

— Приезжай ко мне. Приготовлю ужин.

— Без предупреждений над входом?

— Только адрес.

Когда он у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.